

— Подую — и боль пройдёт. — Гу Циянь нежно зажал кончик языка Пэй Мяо между пальцами, наклонился и принялся осторожно дуть на нежно-розовый кошачий язычок.

Прохладная струйка воздуха уносила с собой жар ожога. Пэй Мяо прошёл путь от ошеломления через напряжённую стеснительность, и теперь весь его кошачий организм был на грани. Он замер в объятиях Гу Цияня, не смея пошевелиться. Сердце колотилось, лицо пылало, а шерстка, казалось, вот-вот вспыхнет.

Почему у него возникло чувство, будто его лелеют в объятиях и целуют?

И ведь объектом был мужчина! Самое же досадное — что ему это ничуть не претило, а даже приносило какую-то тихую радость.

Мяу, неужели после переселения он не только вид поменял, но и ориентацию?

Пэй Мяо каялся в душе за свои непристойные мысли о невинном юноше, смущённо отводя взгляд в сторону.

Посмотрел налево — Сяо Доуцзы глядит на него с беспокойством. Посмотрел направо — главный управляющий вздыхает, полный самоупреков. Посмотрел прямо перед собой — толпа служанок и евнухов стоит с озабоченными лицами в молчаливом ожидании, словно он вот-вот испустит дух.

Поблуждав взглядом, Пэй Мяо всё же остановил его на прекрасном лице над собой. Пришлось признать: Гу Цияню действительно досталась небесная милость. Черты его были изысканны, но без тени женственности, линия профиля — плавна и благородна. Глаза, светлые и прозрачные, как стекло, обычно холодные, сейчас таили в себе беспокойство и нежность, отчего на сердце становилось тепло.

Длинные, густые ресницы, чёрные как смоль, слегка вздрагивали от движений при дутье, подобно бабочке на зимнем ветру, и Пэй Мяо едва сдержал порыв протянуть лапку, чтобы поиграть с ними.

Хотя юноша был ещё молод, Пэй Мяо уже мог представить, каким роковым красавцем он станет, когда возмужает.

Так они и застыли, глядя друг на друга в тишине. Пробежал ветер, подхватил несколько лепестков, унёс прочь.

Несколько служанок, прикрыв лица, беззвучно закричали. Почему же картина, где принц и Господин Наставник смотрят друг другу в глаза, вызывает такие недозволенные фантазии? Ведь это так гармонично, мило и чисто!

Вдали, за искусственной скалой, Смотритель хроник дал волю своему художественному таланту. Несколько быстрых штрихов — и он запечатлел сцену, где двое обмениваются взглядами. Подпись гласила: «Господин Наставник, по приглашению Второго принца, наслаждается изысканной олениной в павильоне Линьюаньгэ».

А о том, что Господин Наставник обжёг язык — теме, безусловно, портящей впечатление, — Смотритель хроник решил умолчать!

Весть эта вновь помчалась во весь опор за пределы дворца, и жители Великой Юй столпились, чтобы обсудить её.

— Господин Наставник такой милашка! Шёрстка на животике выглядит такой мягкой, так бы и погладила.

— На рисунке — Второй принц? И впрямь красив, как и Императрица, в своё время славшая первой красавицей столицы.

— А только мне кажется, что Господин Наставник мастерски соблазняет? Взгляните на выражение лица Второго принца — тот явно покорён.

— Да разве Господину Наставнику нужно кого-то соблазнять? Стоит ему появиться — и все сами бегут лизать ему лапки!

— Верно говоришь. Обаяние нашего Господина Наставника безгранично. И я тоже хочу прижать его к груди...

Во дворце Чансинь Сяо Лицзы быстрым шагом вошёл в Линьюаньгэ и преподнёс резную шкатулку из сандалового дерева:

— Ваше высочество, лекарство от ожогов доставлено.

Гу Циянь кивнул, давая знак Сяо Доуцзы открыть шкатулку.

Пэй Мяо, всё ещё вялый, выбрался из объятий Гу Цияня и с любопытством уставился на шкатулку. Даже не открывая, он чувствовал сильный запах лекарства — прохладный, с лёгкой горьковатой пряностью, довольно приятный.

Когда шкатулку открыли, внутри обнаружился пузатый флакон из голубого фарфора с кракле, цвета чище, чем у нефрита.

Во флаконе лежала молочно-белая мазь, нежная и гладкая, словно лучший баранье-сальный нефрит. Травяной аромат стал гуще, едва открыли пробку.

Гу Циянь не стал действовать сам, а спросил Пэй Мяо на руках:

— Хочешь, чтобы я нанёс лекарство?

Тон был таким, будто он уговаривал ребёнка, но Пэй Мяо почувствовал в этом глубокое уважение к себе.

Жгучее ощущение на языке уже утихло, осталась лишь тупая, онемевшая боль, словно верхний слой языка слегка поджарился. Хотя мазаться ему не хотелось, Пэй Мяо послушно высунул язык.

В глазах Гу Цияня мелькнула улыбка. Он обмакнул кончик пальца в мазь и осторожно нанёс её на поверхность языка Пэй Мяо.

Кошачий язык отличен от человеческого: он покрыт множеством крошечных, плотных сосочков. Они помогают кошкам быстро разделять пищу и ухаживать за шерстью.

Но когда кошка лижет человека, эти сосочки ощущаются как наждачная бумага — весьма грубо, и если долго лизать, можно довести до слёз.

Гу Циянь наносил мазь с величайшей тщательностью. Шершавые сосочки на языке Пэй Мяо создавали под его пальцем странное ощущение — тёплое, щекочущее, проникающее прямоком

в сердце. Даже когда мазь уже была нанесена, ему не хотелось отрывать палец.

Лекарство подействовало прекрасно. Вскоре странное чувство на языке Пэй Мяо исчезло, во рту осталась лишь приятная прохлада, даже лучше, чем от мятного чая.

Едва тело успокоилось, мысли вновь обратились к еде. Жареная оленина после всех перипетий сохранила лишь остаточное тепло, и аромат её уже не был столь ярок, но по-прежнему вызывал слюнки.

Гу Циянь велел подать небольшой нож и собственноручно нарезал оленину мелкими кубиками. Выложив их на широкое плоское блюдо, он подвинул его к Пэй Мяо и сказал мягко:

— Кушай.

Непреднамеренная ласка убийственна.

Пэй Мяо почувствовал, как у него загорелись щёки. Не смея больше встречаться с Гу Циянем взглядом, он уткнулся мордочкой в блюдо и принялся есть.

Оленина была приготовлена в самый раз. Прозрачный жир растопился и равномерно покрыл поверхность мяса, часть его просочилась внутрь, не дав мясу стать сухим. При укусе оно оказывалось нежным и сочным, с неповторимым вкусом дичи, невероятно свежим и ароматным.

Коты — истинные плотоядные. Их кишечник почти не усваивает питательные вещества из чего-либо, кроме мяса. Рис, овощи, фрукты — всё это для кота бессмысленно.

Пэй Мяо, переродившись в кота, унаследовал эту черту. Раньше любимые фрукты теперь не вызвали ни малейшего интереса, а мясо, которое прежде не особо жаловал, стало для него истинным наслаждением. Чуть ли не блюдо бы вылизал.

Кусочек оленины был невелик, но и не мал. За несколько минут блюдо опустело, и даже остатки соуса на дне Пэй Мяо тщательно вылизал.

Насытившись, Пэй Мяо, довольный, облизнулся и поднял голову от блюда. На животике явно обозначилась выпуклость, отчего он казался ещё круглее. На усах застыли капельки соуса, подрагивающие при каждом движении, — зрелище, от которого у всех присутствующих служанок и евнухов сердце таяло.

Гу Циянь взял у Сяо Доуцзы платок, собираясь вытереть ему мордочку, но Пэй Мяо отказался. Он уселся на столе, поднял переднюю лапку, слегка согнув её ковшиком, поднёс к мордочке и принялся тщательно тереть ею усы, счищая прилипшие капельки соуса. Затем поднёс лапку ко рту и принялся старательно её облизывать, пока шёрстка не стала мокрой.

Всё это время он издавал тихое урчание «гыр-гыр», с сосредоточенным и блаженным выражением на мордочке. Гу Цияню стало интересно, он отложил палочки и принялся наблюдать, как кот умывается.

Пэй Мяо поднимал намоченную лапку, прикладывал её к щеке — на сей раз не к усам, а заводил за ухо и водил вперёд, к мордочке. Сделав так три раза, снова облизывал лапку, повторяя процесс, пока одна сторона мордочки не становилась чистой, затем менял лапку.

На это ушло изрядное время. Сяо Доуцзы, стоя рядом, прикрыл рот рукой, смеясь:

— Ваше высочество, Господин Наставник такой чистюля. Даже шерстку свою вылизывает до белизны. Прелесть!

Пэй Мяо покосился на него, но не издал ни звука, продолжая облизывать подушечку лапы. Гу Циянь лишь улыбнулся, взял на руки уже умытого кота и достал из рукава Жемчужину ночного сияния.

— Это Жемчужина ночного сияния, которую Господин Наставник оставил у меня. Теперь пора возвращать её законному владельцу.

При первой встрече Пэй Мяо гонял жемчужину, как мячик, и Гу Циянь её подобрал, но не вернул. Изначально он хотел использовать этот предлог, чтобы сблизиться с Пэй Мяо, но не ожидал, что этот обжора позволит себя обмануть куском оленины и сам окажется во дворце.

<http://bllate.org/book/16288/1467755>